

Ах да: река. Мысли женщины туманились все сильнее. Этот водный путь, отчасти естественный, отчасти улучшенный человеком, использовали торговцы — но только не в такую погоду. Сегодня река могла и не спасти их от преследователей, но другой дороги все равно не было.

Один из солдат прошел куда-то мимо женщины и ее верного защитника. Неужели им действительно удалось добраться до заранее приготовленного убежища — несмотря на непогоду, несмотря на ее слабость?

Собрав всю гордость Ясеня, женщина зашагала вперед, когда несколько минут спустя Хасард повел ее дальше. Однако на одной выдержке далеко не уйдешь. Почти теряя сознание, она почувствовала, как кто-то подхватил ее на руки и уложил на нечто влажное, пахнущее дохлой рыбой и гнилью. Наверное, это были носилки. Они покачнулись, когда спутники женщины переносили ее на широкую, как плот, лодку, предназначенную для перевозки тяжелых грузов. Женщина закусила прижатый ко рту кулак — до крови.

Сейчас им меньше всего нужны были родовые муки, которые, как она понимала, несмотря на всю свою неопытность, подступили совсем близко. Ей надо постараться, она должна молчать и держаться как можно дольше.

А потом леди Алдита словно провалилась в сон, увлекший ее в неведомые глубины. Она услышала крик, сдавленный возглас — но не поняла, кто его издал: она сама или один из ее спутников. Лодка. Да, они в лодке — это она понимала.

...Звон тетивы... прочный тисовый лук, дарованный волей свыше в качестве оружия, прервал ее сон. Женщина заговорила между приступами боли, обращаясь к ребенку, которого носила в себе.

— Дуб и Тис, Рябина и Ясень: истинно ваш мой ребенок — сын или дочь, кто бы ни родился...

Боль, несравнимая со всем тем, что она испытывала прежде, заволокла тьмой ее мир. Звуки боя стали едва различимыми. Женщина не замечала, как рядом с ней умирали люди, как Хасард, пронзенный стрелой, прыгнул в воду и, собрав остатки сил, столкнул лодку в мертвенный сумрак Зловещей Трясины — этого средоточия опасностей. Лодка двинулась вперед, закружилась под напором течения. Осознай это женщина, она могла бы почувствовать тошноту. Но она лишилась чувств.

Спустя целую жизнь появились тепло, слабый свет — и склонившаяся над страдальцей тень.

— Тужься, женщина! — приказала тень. — Тужься, как положено всем, кто производит на свет новую жизнь.

Она старалась, она была готова повиноваться любому приказу, лишь бы положить конец этой муке. На ее живот нажали. Что-то выскользнуло из ее тела. А потом она почувствовала, что и сама ускользает неведомо куда. Темнота начала смыкаться вокруг нее, но она еще успела услышать далекий и слабый голос:

— Девочка...

Зазар крепко держала орущего младенца, осматривая его при свете очага. Девочка. И крепкая: ее пронзительный крик говорил о том, что новорожденной есть все шансы выжить. И крупная — из тех детей, что почти разрывают роженицу на части. Светлый пушок на головке

новорожденной уже начал подсыхать. Потом девочка вдруг замолчала — и в ее взгляде появилось нечто такое, что можно было подумать: она поняла, в каком мире очутилась... и зачем.

— Баба померла. — Кривоногая карга, прислуживавшая знахарке, посмотрела на свою госпожу, ткнув пальцем в сторону тела. — Знатная дама была, только конец-то для всех один. А с ребенком что делать будем? Отдадим подводным прожорам? Джолу не понравится, если мы дадим приют иноземке.

<http://tl.rulate.ru/book/4057/73600>